Этика войны и мира: история и перспективы исследования

Коллективная монография Научно-учебной группы по изучению философии войны

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2016

Печатается по решению Ученого совета факультета гуманитарных наук « Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Этика войны и мира: история и перспективы исследования / отв. ред. Кашников Б.Н. — СПб.: Алетейя, 2016. — с.

ISBN ...

Коллективная монография посвящена одной из фундаментальных проблем этики – определению возможности нравственного ограничения войны. В XXI в. ввиду диверсификации политического пространства, развития различных видов глобализации и интеграции, а также усиления значения ассиметричных сил требуется провести ревизию философских традиций войны и подвергнуть критическому анализу сам концепт войны. в то же время, решение поставленной задачи невозможно без обращения к истории идей и понятий. Настоящее исследование представляет собой результаты работы по структурированию философских интерпретаций проблемы вооружённого столкновения, выявлению механизмов понимания войны и вражды в истории политической философии, этики, философской антропологии и истории, а также вопросу практического применения теоретических концепций к конфликтам современности для их этического или правового сдерживания. Особое значение уделено при этом темам справедливости войны, её дискурсивному конструированию, вопросам формирования образа врага и вражды. Монография адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики, истории философии и политической теории.

Руководитель проекта – Кашников Б.Н. Авторский коллектив: Кашников Б.Н., Кудряшова В.К., Куманьков А.Д., Любимов С.Е., Мефтахудинов К. П., Михеев В. Ю., Мурзаева А.А., Никитина С.В., Сидорова М.А., Устьянцев Р.А. Под редакцией: Кашников Б.Н. и Куманьков А.Д.

Монография подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

УДК 172.4 ББК 87.7

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

К. П. Мефтахудинов

Честь государя - вопрос войны и мира в русско-шведских отношениях XVI в.¹

This article studied the role of rulers' honor to the relations between Russia and Sweden in 16th century. According to Posolskie books it is possible to understand that honor played an important role in these relations, the insult of ruler could become a casus belli, but some ambassadors could pretend to be humble if they wanted to achieve political goals.

Key-words: Russia. Sweden, honor, international relations

Ключевые слова: Россия, Швеция, честь, международные отношения

11 ноября 1918 года в Компьене была подписана капитуляция Германии в Первой мировой войне. Немецкая делегация подписала ее в железнодорожном вагоне французского маршала Фоша. Компьенская капитуляция была сильнейшим ударом по немецкой гордости, и породила стойкое чувство реваншизма в немецком народе. Позор капитуляции усиливался созданным в армейских кругах мифом о Германии, непобежденной на поле боя, но преданной врагами внутренними [4, с. 25]. Во многом из-за унижения капитуляции и подобных мифов чуть более чем через 20 лет (22 июня 1940 года) в том же самом вагоне капитуляцию заставят подписывать уже французов, потерпевших полное и страшное поражение на полях сражений разгоревшейся Второй мировой войны[25]. В момент подписания капитуляции командование нацистской Германии явно будет отыгрываться на Франции, смывая собственногопоражения в Первой мировой войне и восстанавливая утерянную честь мундира.

После вступления на престол императора французов Наполеона III (1852 – 1870) русский императора Николай I (1825 – 1855) направит монарху поздравительное письмо, где именует того monami, а не monfrère. В дипломатической терминологии XIX века это было прямое оскорбление французского правителя. Наполеон III начал вынашивать планы мести царю, мечтая о том, чего не удалось сделать его августейшему предку-тезке - нанести России военное поражение. Подобное дипломатическое оскорбление значительно приблизило Крымскую войну, ставшей черной страницей в военной истории России.

Как видно из двух примеров, приведенных выше, вопросы чести оказывали непосредственное влияние на мировую историю. Оскорбление и честь, как отмечал Ю. М. Лотман, принадлежат к культуре общества, а также к тем культурам прошлого, которые существовали до нас [9, с. 9]. Если говорить об истории России, понятие чести было хорошо известно человеку Средневековой Руси, в чьем сознании оно было прочно переплетено с христианской культурой и отчасти диктовалось этой культурой. Помимо этого, в чести в Средние века видели достоинство, прежде всего, социальное, а также личное и моральное[16, с. 87].В более поздние времена вопросы чести также были весьма важны для взаимоотношения внутри того или иного общества, в частности общества России XVI в. Именно в это время, по утверждению американской исследовательницы Н. Ш. Колман, в Московской Руси появляются институты и законы призванные защитить личную честь[8, с. 60].

Данная работа будет посвящена честикак важнейшему аспекту политической культуры XVI в., а также способах унижения этой чести с явными политическими мотивами. Исследование сосредоточится в первую очередь на чести государей шведского и русского, попытках дипломатов унизить правителя контрагентов или наоборот защитить его достоинство, представить государя в лучшем свете, или же, напротив, смиренно принять оскорбления, руководствуясь политическими мотивами.

Стоит отметить, что особый смысл вопросы чести приобретали во время контактов между правителями. Государева честь зачастую оказывалась связанной с титулом и «родственными» (означающие не прямое родство, а скорее иерархию и равенство[24, с. 22]) отношениями.

1

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научнообразовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Отсутствие равенства между государями могло оскорблять одного из них, или наоборот, возвеличивать второго, ровно так же, как и равенство между правителями могло возвеличить символические позиции одного из контрагентов. Очевидна некоторая «зацикленность» на фигуре властодержца. Это связано с политической культурой средневековья, подразумевавшей персонификацию власти – образы государства и его правителя оказывались неразрывно сопряжёнными. В этой связи видно, что в русской политической традиции слово «государство» является производным от слова «государь», эти два термина содержат в себе практически одинаковый смысл[21, с. 22 - 35]. Повсеместно, за редким исключением, оскорбление чести государя влекло за собой негативные для двусторонних отношений последствия. Даже военное столкновение становилось возможным. Русско-шведские отношенияХVI-XVII вв. полностью подтверждают это положение.

Обозначенный период для Северной и Восточной Европы справедливо получил название «долгого» XVII века [15, с. 7-10]. Центральным для него стал «балтийский вопрос», который решали четыре державы: Дания, Швеция, Польша и Россия. Их противостояние можно условно начать прослеживать с XVI века и закончить Ништадтским миром 1721 года, когда Россия официально стала империей и прочно закрепилась на Балтике, фактически устранив угрозу своему доминированию со стороны стран-конкурентов. Стоит сказать, что многие исследователи склонны рассматривать путь России к империи именно с XVI века, когда к Московской Руси было присоединено Казанское ханство (1552)[7, с. 22].Однако сконцентрируемся в настоящей работе на борьбе и политических контактах между Россией и Швецией.

Они зачастую разворачивались на фоне других, более крупных, глобальных конфликтов на берегах Балтийского моря. События, рассматриваемые в данной статье, происходили во время Ливонской войны, ставшей первой попыткой России пробиться к морскому побережью силой. Формальным поводом к войне стала попытка Иоанна Васильевича (1547-1584) восстановить свою честь и наказать жителей Ливонии, оскорбляющих ее невыплатой дани[18]. Впоследствии, уже в XVII в. русский царь Алексей Михайлович (1645 – 1676) предпримет свой знаменитый Рижский поход (1656) на шведские территории в Прибалтике как раз во время напряженной борьбы Швеции и Польши во время так называемого «Потопа»[19].

Имеющиеся данные о контактах двух стран сложно проинтерпретировать однозначно, невозможно сказать, что эти отношения носили преимущественно мирный характер, с другой стороны, война не была единственной формой общения держав. В истории взаимодействия России и Швеции присутствуют долгие периоды мира, когда конфликты, даже территориальные, решались дипломатическими переговорами (наиболее яркий пример - Тявзинский мир 1595 года[11, с. 32-34]), которые заканчиваются затяжными (по большей части неудачными для России) войнами. В некотором смысле, конец крупным двусторонним конфликтам был положен Второй Северной войной (1700 – 1721). Настоящая работа будет посвящена лишь некоторым наиболее характерным эпизодам из истории двусторонних отношений, когда необходимость защиты государевой чести становилась причиной войны или ухудшения отношений. В этой связи необходимым будет обращение к исследованию практик посольского церемониала, представлявшего собой значимый элемент дипломатических отношений того времени.

Церемониал.

Русский посольский церемониалXV – XVIIвв. (комплекс мер по приему посла и его пребыванию на территории Российского государства, а также действия послов московского правителя заграницей) является важнейшим материалом по ряду ключевых вопросов внешней политики, политической истории и политической культуры Росси указанного времени. Во внешнеполитическом ведомстве России XVI – XVII веков – Посольском приказе - составляли особые отчеты о том, как послы прибывали в Россию, как они себя вели, как их встречали, кормили, какие договора они привозили, как отправлялись на родину, как вслед за ними отправлялось ответное посольство и так далее. Анализ всего этого комплекса мероприятий, а особенно политических ритуалов в рамках приема посольства может дать богатый материал по истории международных отношений и политической культуреXVI и XVII вв.

Для определения ритуалов и церемонийможно справедливо обратиться к трудам французского медиевистаЖ.-К. Шмитта. Историк понимает под ритуалом определенную, часто упорядоченную последовательность действий, слов и вещей, которые применяются теми или иными людьми в символических целях. Шмитт отмечает, что, по мнению антропологов, первых обративших внимание на ритуал, церемония ближе к формализму "этикета",

церемонии могут и даже должны быть навязаны и в большей мере управляемы, церемониал соблюдают и следуют ему из чувства долга, а порой и по принуждению. Ритуал гораздо более эмоционален, ему больше свойственна сакральность. Однако же, отмечая все это,Шмитт призывает видеть в ритуале и церемонии «два полюса одного явления», так как ритуал дополняет церемонию и «способен вылиться в церемонию» [23, с. 408-409].

Важно отметить, что ритуал обладает важной особенностью - возможностью меняться соответственно текущему политическому моменту[26, р. 76]. Церемониал, во многом благодаря своей «управляемости», становится индикатором политических взаимоотношений как между государем и подданными, так и между государями. При этом нельзя забывать о тех сложностях, с которыми сталкиваются исследователи при попытках интерпретации тех или иных церемониальных моментов.

Исследование ритуалов Московской Руси позволяет увидеть, как московские государи решили проблему получения легитимации собственной власти как в глазах подданных, так и в глазах иностранных государей (к примеру, за Иваном IV долгое время не признавался титул «царя»[22, с. 77]). Также с необходимостью легитимировать свою власть столкнется молодая (основанная только в 1523 году) шведская династия Ваза, ставшая во главе Швеции после фактического упразднения просуществовавшей практически полтора века Кальмарской унии 1389 года.

Посольские книги служили источниками по внешней политике уже в XIX в., когда был опубликован обширный двухтомный труд Г. В. Форстена, посвященный так называемому «балтийскому вопросу»[20], стоявшему перед русским государством. Последующие исследователи обычно выстраивали свои труды вокруг русско-польских отношений. Международным отношениям в XVI веке посвящены работы А.Л. Хорошкевич[22]. Она попыталась представить обзор всей внешней политики Московского государства, а также связать её с положением внутренней политикой и перипетиями на политическом ландшафте Московской Руси, при этом были полностью упущены из вида некоторые церемониальные аспекты. Среди исследований церемониала стоит назвать уже упомянутого Л. А. Юзефовича[24]. Однако его труды лишены сопоставления церемониальных практик с более широким политическим контекстом.

Источники.

Посольский церемониал Московского царства можно изучать на основании посольских книг. Прежде всего, стоит сказать, что посольские книги это сборник дипломатических документов – тетрадей, впоследствии (уже при Петре) сшитых в книги. Дипломатические документы, ставшие посольскими книгами, составляются с конца XV вплоть до XVIII века и касаются связей России с какой-либо страной в тот или иной период. Первоначально все делопроизводство велось при дворе великого князя, а со времен учреждения Посольского приказа (ок. 1549 г.) дипломатическое делопроизводство становится задачей этого ведомства. Изначально те материалы, что содержались в посольских книгах, хранились в столбцах, а затем переписывались в тетради, из которых и составлялись посольские книги[5, с. 166].

По подсчетам Н. М. Рогожина, до нашего времени дошло 760 посольских книг, которые хранятся в фондах РГАДА. Значительная часть книг была безвозвратно утеряна в московских пожарах разных лет, во времена Смуты и нашествия Наполеона. В основном утрачены книги по связям с Азией – по взаимоотношениям с Астраханским Казанским, Тюменским, Касимовским, Сибирским ханствами, некоторые книги по связям с Крымом.Сохранились 129 «шведских» книг с 1555 по 1699 года. Причем известно, что еще в начале XVII (опись производилась, видимо, в 1626 году) века существовали посольские книги за 1488 – 1536 года[12, с. 22-26].

К сожалению, нет точной информацией о том, как создавались посольские книги. Н. М. Рогожин для ответа на вопрос о структуре и содержании посольских книг предлагает «представить» весь ход действия московского посольства[14, с. 73]. Ходом посольства также руководствовался и М. А. Бойцов при исследовании статейного списка дьяка В. С. Племянникова о его поездке (1517) в Инсбрук ко двору императора Максимилиана I (1486 - 1519). Он указал, что вторым человеком в посольстве был толмачь Григорий Истома, который, по мнению М. А. Бойцова и был автором статейного списка, составленного на обратном пути из Инсбрука (заключение сделано на основе морфологического анализа текста списка)[3, с. 165-166].

Рогожин пишет, что статейный список был «основным отчетным документом посольства», зачастую излагался в определенной последовательности, по статьям, служил

своего рода ответом на тот текст наказа с инструкциями, которыми снабжалось любое посольство. Однако, согласно Рогожину, «со второй половины XVI века статейные списки в большей степени носят дневниковый характер»[13, с. 13]. Интересно наблюдение Д. С. Лихачева, который отмечал, что «письменные отчеты послов все более приближаются к художественной литературе, становятся все более реалистическими и подробными», но в то же самое время «послы стремятся сделать свои отчеты как можно более «деловыми», краткими, удобными для служебного пользования»[1, с. 322].

Особенно важно то, что статейный список - это «свидетельство очевидца о всех событиях, происходивших в дороге и во время пребывания в той или иной стране», а также то, что в списке «много места уделялось тонкостям дипломатического церемониала» [13, с. 14]. М. А. Бойцов особо отмечал, что статейные списки отражают не столько устоявшуюся систему церемониала, сколько представления московского двора и дипломатов о том, как этот церемониал должен был развиваться. Они не описывают образы «чужих», а воссоздают привычные и, видимо, милые сердцу, Кремлевские реалии[3, с. 192]. Таким образом, посольские книги источник (как, впрочем, и любой другой) весьма субъективный и отражает исключительно взгляд московских дипломатов. Послы и составители списков могли преследовать свои корыстные цели. Они стремились представить свое посольство успешным, а иностранных контрагентов наоборот показать людьми, смиренно сносящими все унижения.

Первые контакты. Посольства 1556-1557 гг.

Обратимся теперь непосредственно к русско-шведским отношениям. К сожалению, о них до 1556 году нам известно крайне мало. По всей видимости, существовал ряд договоров, устанавливающих границы, но они не сохранились в архивах.

Кроме того, предполагается, что Густаву Васе явно предписывалось присылать гонцов и послов в Новгород, к наместнику Ивана IV, а не в Москву, непосредственно к государю. Этим Иоанн Васильевич стремился приравнять своего шведского контрагента к одному из своих наместников, но никак не к своей августейшей персоне.

В 1556 году шведский король Густав ІВаса нарушает перемирие, заключенное ранее с Новгородом, и начинает военную компанию на приграничных территориях России[2]. Причиной войны, как утверждают русские источники, стали действия русских и шведских «воевод», стоявших на приграничных землях[22, с. 171]. Однако среди поводов можно указать нежелание Густава отправлять послов в Новгород, как было предписано предыдущими несохранившимися договорами. Видимо, Густав Васа хотел направлять послов непосредственно в Москву к царю Ивану IV, что не ущемляло бы его чести и свидетельствовало бы о равенстве московскому царю.

Летом 1557 года Густав Васа отправляет в Россию гонца «Кнута Иванова» - Кнута Иогансона (его сопровождают 5 человек), их встречают на русско-шведской границе 4 июля того же года. После чего по указанию царя, доставляют в Новгород, откуда, получая корм (термин, обозначавший снабжение как русских, так и иностранных гонцов и посольств провизией), отправляют в Москву. Перед этим в Москву отправляются донесения от новгородского наместника, в которых рассказывают о цели посольства[2, с. 2].

27-го июля шведский гонец прибывает в Москву, где его по повелению царя размещают на Литовском дворе (на современном Газетном переулке в Москве). 31 июля состоялась аудиенция у Ивана Васильевича. При въезде в Кремль он останавливается напротив Казенного двора и идет в царские палаты пешком[2, с. 7]. Это соответствовало нормам московской культуры, считалось, что тем самым дипломат демонстрировал уважение к царю[24, с. 173]. Ничего не известно о встречах гонца, организуемых непосредственно во дворце Кремля. Возможно, информация отсутствует из-за низкого статуса шведа или, скорее, из-за продолжавшихся военных действий и желания унизить короля.

Миссия заканчивается 9 августа, когда гонца принимают московские служилые люди, где вручают ему грамоты для доставки в Стокгольм. Затем следует короткий прием у царя, а после - пир в «золотой палате», во время которого Иоанн Васильевич жалует гонца кубком меда[2, с. 14]. Как утверждает Л. А. Юзефович, кубки были одним из самых распространенных символов доброжелательного отношения[24, с. 118]. На следующий день гонец отправляется из Москвы в Новгород, а оттуда до границ московского государства.

В январе 1557 года в Россию прибывает крайне представительное шведское посольство, в котором среди прочих принимают участие Ларс Петерссон (1499 - 1573), архиепископ города Упсала, Михэль Агрикола (ок. 1510 - 1557), епископ города Або, а также «королевский печатник»

и другие знатные шведы[2, с. 23]. Всего в посольстве участвовал 101 человек, что позволяет говорить, что порученная послам миссия была крайне важной.

Не самой тривиальной является судьба двух епископов, возглавлявших шведское посольство. Оба они были видными деятелями скандинавской Реформации. Упсальский епископ Ларс Петерссон учился в Германии, где слушал Мартина Лютера (1483 - 1546) и Филиппа Меланхтона (1497 - 1560). После возвращения на родину и воцарения Густава ВасыПетерссон имел значительное влияние на короля в церковных вопросах. Густав Васа, найдя Реформацию выгодной для себя, стал ярым ее сторонником и способствовал продвижению реформаторских идей на подвластных ему территориях. В этом ему способствовал Петерссон, который в итоге добился перевода и издания Библии на шведском языке.

Судьба епископа города Або Михаэля Агриколы в некотором роде похожа на судьбу его коллеги – он также учился в Германии, где слушал проповеди Лютера и Меланхтона. Также Михаэля Агриколу считают родоначальником финского литературного языка, ему в частности принадлежит перевод Нового завета на финский язык[10]. Агрикола на обратном пути из Москвы заболеет и умрет, но произойдет это уже на шведской территории.

21 февраля это посольство въезжает в Москву, и во встрече шведов участвует более полусотни дворян и слуг московского государя. После въезда в город, подробного описания которого не сохранилось, шведов поселили «на Успенскомъ враге на Литовскомъ дворе»[2, с. 23]. 24-го февраля 1557 года состоялась первая аудиенция у московского государя. После входа в палаты Кремля шведы «были у руки» царя, после чего вручили верительные грамоты, которые принял дьяк Иван Михайлович Висковатый. Царь справился о здоровье короля, не вставая с трона, что являлось нормой дипломатического церемониала. Послы отвечают и произносят речи, после чего являют дары московскому государю от шведского короля, после чего они садятся. Немного посидев, послы представляют дары лично от себя. После подарков дипломаты отправляются на пир, который состоялся в Грановитой палате. Послы, как велит традиция пиров с иностранными дипломатами, сидят за так называемым «кривым столом», который был менее почетным чем «прямой», закотором ел сам царь, а также наиболее приближенные к нему лица[24, с. 212-213]. После ужина шведы отправляются на подворье[2, с. 25]. Таким образом, можно говорить, что первые контакты прошли весьма мирно, но в дальнейшем в русскошведских переговорах не всё складывалось столь же гладко.

В следующий раз шведские дипломаты появляются в Кремле 9-го марта, в ходе приема гостям вручают «ответ» от русской стороны. В нем король Густав Васа именуется «избранным», а его обращение зовется «челобитной». В конце ответастояло требование вернуться на исходные рубежи, занимаемые шведами до конфликта, а также закрепить это договором с наместником царя в Новгороде[2, с. 32]. Это было явное унижение шведской стороны, которая должна была заключать договор не с царем, но с одним из его наместников.

В переговорах возникает пауза до 13 марта. В новом раунде переговоров послы часто ссылаются на старые нормы, в соответствии с которыми регулировались русско-шведские отношения и в частности были установлены границы[2, с. 33-34]. Кроме того, они пытаются защитить честь своего государя, указывая московским дипломатам, что Густав уже 36 лет как «мазанный король» [2, с. 34]. Послы имеют в виду ритуал миропомазания, который впервые появляется у вестготов с целью хоть как-то легитимировать крайне хрупкую власть тамошних королей, однако традиционно этот ритуал связывается с интронизацией франкского короля Пипина Короткого (751 - 768). Традиции помазания на царство были сильны в Византии, существовал этот обряд и в России [17, с. 1-2]. Вероятно, здесь имела место русская интерпретация не дошедших до нас шведских слов, которые были иначе восприняты в русской политической культуре при «переводе» символов из одного семантического поля в другое. Нельзя исключать и банальной ошибки при переводе, которая позволила русской стороне сделать такую интерпретацию слов шведских послов.

Так или иначе, несмотря на аргументы шведской стороны, их московские контрагенты указывают на то, что шведам придется ссылаться с Новгородом «по старине»[2, с. 38], то есть так, как было установлено издавна. Помимо этого, аргументируя свою позицию, русские позволяют себе явное оскорбление шведского короля, вопрошая: «холоп государю может ли быть брат»[2, с. 39]. Этим московские дипломаты, во-первых, отказывают шведскому королю в формальном равенстве, которое подразумевалось термином «братство», во-вторых, отвергают заявление шведских послов о том, что их король миропомазанный, и, возможно, указывают на недостаточную значимость процедуры миропомазания в качестве способа подкрепления

позиции шведского короля как легитимного правителя. В-третьих, именование Густава Васы холопом может рассматриваться как прямое оскорбление контрагента, решение о таком обращении явно принималось на самом высоком уровне.

Послы с покорностью принимают это заявление и переходят к вопросу о выдаче пленных[2, с. 40], захваченных в недавней войне, завершать которую посольство, собственно, и приехало. Скорее всего, именно желанием вернуть пленных, объясняется крайнее смирение шведов и здесь цели дипломатов оказываются достигнуты. Пленных соглашаются вернуть, правда, поделив их на две группы. Одну часть соглашаются отпустить без выкупа, а за вторую выкуп все же требуют[22, с. 194]. После оглашения ответа русских «царь и великий князь велел послов отпустить на подворье». Таким образом, шведские дипломаты потерпели полный крах в попытке защитить честь своего государя, чего, по мнению некоторых историков, и добивался царь[6, с. 212], но послам удалось решить некоторые сопутствующие политические вопросы.

В следующий раз послы появляются в Кремле 21 марта. После возражений шведской делегации из текста грамот исключают положение о том, что мир был нарушен по вине шведского короля, который пренебрег крестным целованием, и вина за развязывание конфликта возлагается на королевских людей с приграничных территорий[2, с. 41]. Послы «бьют челом» боярам за милость их государя, после чего их провожают в «избу», где располагался сам правитель. После проведения ряда полагавшихся ритуалов, символизировавших благополучное завершение дела, начинается пир, после которого политические вопросы уже не обсуждались.

Посольство покидает Москву через три дня, то есть 24-го марта. Послы направляются к Новгороду, а новгородскому наместнику отправляются инструкции оносительно приема послов. Так, послам приписывается устроить две встречи и одать должные почести. Также велено послов позвать на пир и посадить за «кривой» стол на самые почетные места[2, с. 45].

В Новгороде послы должны были целовать крест на соблюдение вновь заключенного договора. С российской же стороны крест должен был целовать новгородский наместник[2, с. 46]. В этом опять-таки видится еще один из элементов символического унижения Густава Вазы, соответствовавшего стремлению Ивана Васильевича выстроить иерархию европейских государей, в которой шведский король значительно уступал московскому царю.

К шведскому королю 8 июля 1557 года из Москвы отправляется посольство на подтверждение заключенного договора. В составе его вошли представители не только от московского царя Ивана Васильевича, но и его новгородских наместников[2, с. 49-50]. Оно прибывает в Новгород 18 и покидает город 21 июля. Нам известно, что Густав Ваза целует крест на соблюдение мирного договора, также послы жмут руку («руку дал») епископу Упсалы, таким образом, подразумевалось, что договор заключен между сторонами с равным вполитическим статусом. 28 декабря того же года посольство возвращается в Москву с заключенным договором[2, с. 55].

Норма, по которой шведский король должен был «ссылаться» с новгородским наместником, а не лично с царем, носила скорее символический, нежели практический характер. Посол лишь прибывал в Новгород, где ждал разрешения для начала поездки непосредственно в Москву для вручения грамот или переговоров. Разрешение приходилось ждать некоторое время, но оно всегда приходило, а основные решения по взаимоотношениям со шведами принимались уже в Москве. Таким образом, отправка посольства к новгородскому наместнику была формальностью. Однако такая задержка у самых границ страны должна была нести урон «чести» стокгольмского владыки, поскольку формально ему приходилось общаться с новгородским наместником, признавая равным его, а не московского царя.

Миссия И. М. Воронцова и ее последствия

Весьма показательно выглядит посольская миссия (1567–1569) Ивана Михайловича Воронцова в Стокгольм ко двору шведского короля Эрика XIV (1560 – 1568), наследовавшего умершему отцу Густаву Вазе, для заключения союзнического договора со Швецией. При этом в договоре шведский король впервые должен был именоваться «братом», поэтому московский двор решает усилить символические унижения чести контрагента. По этому договору Ивану Грозному должны были отдать Катерину Ягеллонку (1526 – 1583), жену следующего шведского короля ЮханаIII (1568 – 1592), который также был сыном Густава Вазы и впоследствии поднял мятеж против больного брата.

В июле 1567 года Воронцов «с товарищами» не доезжает до Стокгольма примерно с версту, когда их останавливают на острове Валмарси, где послы останавливаются ждать

«встречи» шведов для въезда в город. Русские послы на острове останавливаются в шатре[1, с. 6]. Возможно, в данном случае шатер был поставлен с одной единственной целью – создать послам символический дворец, который олицетворял бы собой палаты далекого московского Кремля, а владельца этого посла – Воронцова, делал бы своего рода репрезентантом Иоанна Васильевича.

Шведы пристают к острову на двух кораблях. Во время встречи, если верить русскому источнику происходит нечто экстраординарное. По посольскому списку русские отказываются выходить из своего шатра встречать шведскую делегацию, которая в свою очередь покорно идет в русский шатер: «и королевские бояре с товарищи пришли с судов к послом в шатерь»[1, с. 7].

Русский посол позволяет себе выслушать обращение шведов сидя. Много вопросов вызывает следующий эпизод. «Да сетчи послы позвали к себе Юрья Артера (руководителя встречающей делегации – К. М.) с товарищи к руке, и оне у послов были у руки соймя шапки, и послы им велели сести»[1, с. 8].

Возможны самые разные причины такого поведения, которое на первый взгляд умаляет «честь» шведского короля и ставит его в зависимое положение, нарушая стольк важный в то время принцип равенства монархов. Истинная причина, как представляется, связана с тем фактом, который уже упоминался выше. Шатер русских послов становился своего рода «Золотой» палатой – местом, где Иван IV чаще всего принимал иностранных гостей, если верить Юзефовичу[24, с. 152].

Можно предположить, что символическое замещение царя послом требовалось в связи со спецификой главной цели посольства – сватовством к шведской герцогине. В любом случае, после символической аудиенции в шатре у русского монарха московские послы на кораблях отправляются в Стокгольм.

В шведской столице «у пристанища на берегу»[1, с. 8] русскую делегацию встречают представители короля. Шведы сошли с коней до того как русские послы вступили на берег со своих кораблей. Это свидетельствует либо о признании высокого статуса русских, либо о том, что Воронцов любил подчеркнуть то почтение, которое оказали ему – послу, а значит и московскому государю, которого представлял посол. Разумеется, это должно было благоприятно сказаться на отношении царя к послу при его возвращении на родину.

Послов усаживают на коней, предоставленных шведской стороной, и везут в сторону посольского двора. Сами послы называют это «хоромами», где они отдыхают после дороги вплоть до 26 июля, когда послам сообщили, что завтра им предстоит отправиться на прием к шведскому королю. Утром 27 июля к послам прибыли королевские советники, с собой они также привели королевских лошадей, на которых послы должны отправиться к королю, что было обязательной частью приемов во дворце государя, использование своих коней запрещалось.

Послы задают шведам очень важный для политической семантики того времени вопрос: «От которых иных государей у вашего государя у короля послы есть ли?»[1, с. 9]. Собственно прием послов одного государя при наличии во дворце послов другого монарха больно бил по репутации второго посольства. Считалось, что принимающая сторона не оказывает должного почтения государю. Но если посольство было почетным (например, от германского императора), то угрозы репутации менее почетного посольства не было. Но такое совпадение наносило ущерб репутации посольства более могущественного государя. К счастью для русской миссии никого, кроме дипломатов Ивана IV, в этот день Эрик XIV не принимал.

Послы садятся на коней и отправляются к королю. Всю процессию возглавляют, по всей видимости, шведские аристократы. Но это не предотвращает срыва церемонии – русские каким-то образом доезжают на конях до крыльца шведского дворца и сходят на крыльцо прямо с коней («а с жеребцов послы ссели на королевском дворе у королевских хором на лестницу»[1, с. 10]). Таким образом, русские в очередной раз проявили свое превосходство и продемонстрировали шведам свое неуважение к ним. Правда, есть сомнения, что шведы осознали себя в униженной роли.

Послы отказываются подходить к руке государя для поцелуя, после чего сообщают, что у них «от царя и великого князя поклон и здоровье и дары»[1, с. 10]. Посол оглашает список даров, после этого послы весьма смиренно с непокрытой головой вручают «грамоту верующую» королю, притом, согласно списку, передают грамоту лично королю в руки. После этого русские дипломаты оглашают список даров лично от себя.

После этого следуют обычные вопросы о здравии государя Московского. Но здесь происходит конфликт между русскими послами и шведскими аристократами. Представитель короля спрашивает о здоровье Иоанна Васильевича, хотя, по всей видимости, этот вопрос должен был задавать сам король Швеции, а толмач переводить русским послам. То, что вопрос о здравии задает не король, а лишь его подданный умаляет честь Ивана IV, поэтому послы стремятся не допустить этого и ссылаются на то, что шведское посольство недавно было в России и засвидетельствовало, что московский государь здоров. Дело спасает то, что король сам задает вопрос о здравии «брата его, русского царя»[1, с. 10] или же какая-то иная реплика короля переводится хитрым переводчиком именно так.

На протяжении всего времени аудиенция все шведские аристократы, присутствующие на церемонии стоят, притом без головных уборов. После приема послов отводят «к столу», так как до этого оговаривался ужин в королевских покоях, однако сам король не появляется, так как он «по грехом недомогает». Послы отказываются обедать без короля («пришли мы от царя и великого князя х королю, а не х королевичам, и без короля нам ести непригоже»[1, с. 11]), даже если его будут заменять самые высшие сановники и братья короля. Обед без короля, в компании шведских дворян, безусловно, рассматривался бы как унижение русского государя, которого представляли послы. Оставаться в «хоромах» шведского короля послы больше не могли, поэтому они отправляются в обратный путь на посольский двор, куда вскоре прибывают шведские сановники, которые в соответствии с традициями угощают русских на их дворе («говорили послам от короля, чтоб послы не кручинилися, что у короля они не ели, король по грехом болен, а велел нам вас потчивати»). Подобное угощение соответствовало нормам церемониала того времени. Послы выпивают со шведами две чаши. Первую, самую почетную, пьют за здоровье Иоанна Васильевича, вторую же - за здоровье Эрика XIV. После этого послы выпроваживают шведов, ссылаясь на то, что тем непригоже веселиться, когда их государь недомогает[1, с. 12].

У Эрика XIV наблюдалось расстройство личности, из-за которого он зачастую терял возможность управлять государством. В конечном итоге, он настроил против себя своих братьев, в том числе и будущего короля Швеции ЮханаШ, который поднял восстание. Практически все время пребывание посольства Воронцова в Стокгольме Эрику XIV пришлось вести боевые действия против Дании и собственного брата, оскорбленного намерениями выдать его жену за московского царя. Противостояние братьев привело к тому, что 29 сентября 1658 года Стокгольм пал и в него вступил Юхан. Эрик фактически лишается власти. Победа оппозиции в корне изменила положение послов. Эрик XIV был настроен на союз с Россией, но его братья придерживались несколько иных внешнеполитических установок. Послов попытались заставить написать письма к Иоанну Васильевичу о том, что они здоровы и с ними все хорошо. Однако русские отказываются, видимо, опасаясь за свою жизнь («Нечего нам того писати; мы государю своему, царю и великому князю, лгати не хотим, а топерво мы напишем ся здоровы, завтра над нами что учините»[1, с. 61]).

Послов держат фактически на положении пленников. Поначалу они находятся в Стокгольме, а затем, видимо по приказу ЮханаIII, их вывозят в Або, оттуда, по-видимому, в Выборг, где послов отпускают только лишь 4 июля 1569 года. Описание дальнейшего их передвижения по России, к сожалению, не сохранилось до наших дней.

ЮханIII явно не желал тесного союза с Россией. Однако действия датчан и Ливонская война вынуждали короля налаживать контакты с Кремлем. В связи с этим в Москву будет направлено еще одно посольство, судьба которого оказалась также не самой завидной.

Шведское посольство 1569 года, состоящее из 54 человек[2, с. 174], возглавил епископ Або Павел Юстен (1516 - 1575). О приеме посольства на русской территории шведы были вынуждены договариваться заранее, при это они не указывали, кто его возглавит. Все это вынуждало Ивана Васильевича интересоваться у новгородского наместника, помимо прочего, «как большого посла зовут»[2, с. 172].

Еще 13 сентября в Новгороде принимают решение по дороге к Новгороду давать послам «корм» меньше обычного. Небольшое количество еды могло вызывать не только очевидные физические трудности, но и отчасти служило символическому унижению послов, понижало их статус и наносило урон «чести» их государя[24, с. 114]. Однако на первых порах русские этим и ограничились, и в Новгороде послов принимают, как и прежде, а после отпускают в Москву.

В Москве события развиваются не самым благополучным для посольства образом, и, в конечном итоге, 3 июня послам объявляется, что из-за «опалы» Ивана Васильевича было

принято решение сослать их в Муром[2, с. 185]. Также была проведена попытка оставить нескольких шведов в качестве учителей «немецкого языка» (видимо шведского).

Даже крайне негативное отношение, которое демонстрировали русские по отношению к шведам, и сосланное в Муром посольство не смогли испортить отношения между странами до той степени, когда контакты между ними были бы оборваны. Швеция и Россия, видимо, были нужны друг другу как источники ресурсов. Вскоре из Стокгольма прибывает гонец, также нацеленный на заключение мирного договора с Московским государем[2, с. 190].

Заключение

Политической культуре Московского государства в позднее средневековье характерно особое внимание к статусу человека в обществе, его чести. Понятное дело, что в этой ситуации личность государя и его честь приобретали огромное значение, от придворных требовалось ни в коем случае не допустить оскорбления правителя, особенно при международных контактах с дипломатами иностранных государей. Это становилось особенно сложно в той системе международных отношений, которые имели место в Восточной и Северной Европе XVI века.

В этот период, «балтийский вопрос» вышел на первый план для ряда стран региона Балтийского моря, каждая из которых преследовала свои цели. Польша стремилась укрепиться на море и не допустить к побережью другие страны. Швеция также стремилась укрепиться на морских просторах, превратить Балтику в marenostrum. Дания жаждала вернуть Швецию под свое владычество, как это было до разрыва Кальмарской унии. Россия же пыталась пробиться к побережью, получить удобные порты для торговли и иных контактов с Европой. Балтийский вопрос стал главной проблемой межгосударственных отношений в Северной Европе, требующей напряжения всех политических средств. В XVII веке начнется недолгое шведское доминирование, а затем в XVIII веке Швеция будет изгнана из Восточной Европы новым гегемоном - Российской империей.

Особое значение в тот период придавалось искусству дипломатии, её жестам, знакам и символам. Данная работа обращена именно к одному из наиболее специфических аспектов отношений двух ведущих держав региона в XVI в., России и Швеции, - к вопросу о чести правителя и к ритуалам, цель которых состояла в утверждении достоинства государя.

Попытки оскорбить друг друга в ходе дипломатических встреч значительно осложнили отношения между Московским государством и Швецией. Царь Иоанн Васильевич явно не стремился «унизиться» и не признавал себя равным шведскому королю. В свою очередь шведские короли из молодой династии Ваза стремились укрепить свое международное положение, в том числе за счет получения признания равенства со стороны московского государя. Согласно русским источникам, у них это практически никогда не получалось. Что содержится в шведских источниках, в историографии пока не нашло отражения. Можно лишь предполагать, были ли они столь же тенденциозны, или шведы напротив стремились скрупулезно фиксировать каждую замеченную ими деталь, не нарушая увиденную действительность.

Церемониальный аспект невозможно рассматривать без политического контекста обозначенного периода, также как политические события часто невозможно понять без обращения к церемониалу. Сохранение или унижение чести порой становилось главной политической целью, а нарочное смирение часто вело к успеху на переговорах, как это было в случае с пленными после войны 1554 – 1557 гг.

Литература

Источники

- 1. Путешествия русских послов XVI XVII вв. Статейные списки / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 2008.
- 2. Сборник Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910.

Исследовательская литература

- 3. Бойцов М. А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Отв. ред.: О. И. Тогоева, И. Н. Данилевский. М., 2012. С. 162 193.
- 4. Ватлин А. Ю. История Германии в XX веке. М., 2002.
- 5. *Волков Л. В.* Посольская книга // Государственность России: словарь-справочник Кн. 2. Ч. 2 / Сост. Н. И. Химина. М., 2009. С. 166 167.
- 6. Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.
- 7. Каппелер А. Россия многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997.

- 8. *Коллманн Н. Ш.*Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- 9. $_{\it Лотман}$ Ю. М. Беседы о русской культуре: Быть и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX века). СПб., 2014.
- 10. Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520—1620 гг.). СПб., 2007.
- 11. Мейнандер Х. История Финляндии. М., 2008. С. 32 34.
- 12. *Рогожин Н. М.* К вопросу о сохранности посольских книг конца XV начала XVII вв. // Исследования по источниковедению СССР дооктябрьского периода / Под ред. Кучкина В. А. М., 1988
- 13. *Он же.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV начало XVIII в.). М., 1990.
- 14. Он же. Посольские книг России конца XV начала XVII вв. М., 1994.
- 15. Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие / Под ред. А. В. Лаврентьева. М., 2002.
- 16. *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2(16). С. 63 87.
- 17. *Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- 19. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
- 20. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI XVII веках. СПб., 1893. Т. I II.
- 21. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М., 2011.
- 22. *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений, середина XVI в. М., 2003.
- 23. *ШмиттЖ-К.* Ритуал // Словарь средневековой культуры / Под.ред. Гуревича А. Я. М., 2003. С 408 412.
- 24. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011.
- 25. Bonnard J.-Y. Rethondes, le jour oùl'Histoires'estarrêtée (11 novembre 1918 21 juin 1940). Paris. 2008.
- 26. Medieval Concepts of the Past. Ritual, Memory, Historiography / ed. Althoff G., Fried J., Geary P.J. Cambridge, 2002.

Аннотация: В статье исследуется роль государевой чести в отношениях России и Швеции XVI века. Согласно Посольским книгам можно установить, что честь имела огромное значение для этих отношений, а унижение этой чести становилось casusbelli, но с другой стороны послы часто демонстрировали смирение для получения явных политических выгод.

Сведения об авторе: Мефтахудинов Константин Павлович. Студент 1 курса магистратуры «История России и Запада»